

А. В. ПЕРЦЕВ*

Ф. НИЦШЕ: СИМУЛЯКРЫ И ПРЕДРАССУДКИ

Аннотация: В статье рассматривается образ философа, который складывается в массовой культуре, в средствах массовой информации — в том числе, под влиянием пропаганды и идеологической борьбы. На примере Ф. Ницше автор показывает, что этот образ имеет мало общего с действительностью. На документальной основе опровергаются ключевые предрассудки, связанные с ницшеанством: *Ф. Ницше — идейный предшественник германского фашизма; Ф. Ницше — женоненавистник, который сказал, что, идя к женщине, надо брать с собой плетку; Ф. Ницше — ненавистник христианства; Ф. Ницше — человеконенавистник, который считает немцев расой сверхчеловеков; Ф. Ницше — антигуманист и проповедник культа силы.* Автор статьи считает, что предварительное преодоление этих предрассудков есть необходимое условие, при котором только и возможно адекватное понимание одного из величайших философов.

Ключевые слова: ницшеанство, симулякр, предрассудки, философия, человек, массовая культура, сверхчеловек, христианство.

A. V. PERTSEV

F. NIETZSCHE: SIMULACRUMS AND PREJUDICES

Annotation: The article treats the image of Nietzsche how it is in mass culture and media; how propaganda and ideology formed it. The author proves the picture has nothing to do with reality. On document basis, he refutes the critical prejudices of Nietzsche: *Nietzsche is a predecessor of Nazi; Nietzsche hates women (by famous quote «coming to a woman one should grab a scourge»); Nietzsche hates Christianity; Nietzsche hates humanity and considers German as superman race; Nietzsche is anti-human and preaches the cult of power.* The author claims that surmounting these prejudices is the basis to understand the great philosopher correctly.

Key words: public self-consciousness, national self-consciousness, social writing Institute, technogenesis, Russian everyday life, urbanization, resentment, provincialism.

* Перцев Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет.

Принято полагать: человек, побывавший в Париже, но не видевший Эйфелевой башни, в Париже, собственно, и не бывал. Он, конечно, может рассказывать о каких-то своих впечатлениях — и его вежливо послушают некоторое время. Но потом перебьют и спросят — а почему именно он так и не видел Эйфелеву башню?

Потому что Эйфелева башня — это и есть Париж. В принципе, было достаточно посмотреть только на нее — и сразу ехать обратно.

Если следовать этой логике, то Москва — это Кремль, Египет — это пирамиды, а Нью-Йорк — это небоскребы. Надо было быть И. Ильфом и Е. Петровым сразу, чтобы дерзостно написать книгу совсем не о том, о чем ожидали все, — и назвать ее «Одноэтажная Америка» (начинается книга, впрочем, с описания небоскреба).

Большинство людей едет за тридевять земель, чтобы увидеть там что-то, уже хорошо им известное. И новую книгу такие люди начинают читать только для того, чтобы найти в ней что-то, уже им знакомое. После чего — с удовлетворением ее отложить. Книга, выходит, хорошая. О том, о чем надо написано. Серьезная и солидная, правильная книга. Такая, как надо. Одобряем. Автор, пиши еще.

Самуил Маршак неспроста перевел английскую песенку «В гостях у королевы»:

- Где ты была сегодня, киска?
- У королевы, у английской.
- Что ты видала при дворе?
- Видала мышку на ковре!

Не только кошки, но и люди склонны видеть только то, что они давно привыкли видеть. Это производит в них уверенность в себе и высокую самооценку. Лишь немногие авантюристы осмеливаются отправиться в путешествие, чтобы совершить открытие — обнаружить что-то, абсолютно новое и неизвестное.

Почему же большинство людей едет по свету, чтобы выполнить обязательную программу — увидеть уже увиденное, услышать уже услышанное, попробовать уже попробованное? Потому что человек — «животное полисное». Он должен поддерживать свой социальный статус или обретать новый: я, как человек солидный и уважаемый, в Париже был, Эйфелеву башню видал. Не лыком шиты, не лаптем щи хлебаем, не хуже других будем.

А все это — от неуверенности в себе. Очень немногие полагают, что им удастся навязать другим свое видение мира. Остальные сомневаются, что смогут сами, без подсказки, выбрать что-то ценное, а потом подать так, что другие тоже признают его ценность. Для этого нужно ораторское или писательское мастерство, сильная воля и умение навязывать свое мнение. Если этого нет, лучше не рисковать. Могут поднять на смех. Лучше подстраховаться и предпочесть проверенное. Потому за истинным первооткрывателем, достигшим успеха, устремляются массы тех, кто желает сказать: «Я, конечно, не первопроходец, но тоже — один из лидеров-передовиков».

Об этом прекрасно знают туристические фирмы, издатели справочников и путеводителей, производители сувениров. Им нужны массовые продажи, а не индивидуальное творчество туристов с их уникально-неповторимыми исканиями.

Вот именно потому Эйфелева башня и есть Париж — с 1889 года. Она — симулякр Парижа, заменитель Парижа в общественном мнении. Она есть образ профессионально апробированного счастья в Париже — для широких масс потребителей туристических услуг. Надо только подняться на нее и купить сувенир с ее изображением. Тогда успех тебе будет гарантирован.

Удивительно, но так полагают даже те российские туристы, которые у себя дома вполне понимают, что покупка синей ушанки со значкамиazole Кремля — в наборе с балалайкой как национальным предметом русского народа — еще не есть постижение России. Скорее, после этого русские будут смотреть на тебя как на глупца. (Ужаснее только вытатуировать на себе иероглифы с грубыми ошибками — и поехать в Японию).

Все это важно понимать, чтобы осознать: «бескнижное», да еще и стандартизированное образование — вкупе с интернетом — прекрасно и неудержимо обеспечивает человека набором симулякров по всей России. Но с этими симулякрами он будет выглядеть в Европе так же нелепо, как европеец в синей ушанке и с балалайкой — посреди Москвы.

* * *

Есть Ницше — и есть комплексный симулякр, его замещающий.

Всякий человек, разбирающий буквы — да еще и в сопровождении цветных картинок! — уже успел незаметно для себя усвоить набор стандартных мнений о Ф. Ницше. От них надо сразу избавиться — еще до начала изучения жизни и творчества этого мыслителя.

Так рекомендовали поступать еще триста лет тому назад просветители Нового времени. Они именовали «симулякры» своей эпохи очень точно, называя их *предрассудками*. «Пред-рассудок» — это суждение о чем-то, воспринятое от кого-нибудь заранее — еще до самостоятельной встречи с этим чем-то. Предрассудки застыт взор и мешают видеть это что-то. Они делают его самостоятельное рассмотрение просто излишним: тут нет нужды тратить время и силы, потому что куда легче присоединиться к чужому мнению, которое выдается за общее и авторитетное. Предрассудок по-немецки — «Vor-urteil». Это — наперед вынесенный приговор, пред-убеждение, пред-взятое мнение.

Какие же «авторитетные» и «расхожие» мнения существуют сегодня о Фридрихе Ницше среди стандартно (в третьем поколении) образованной и стандартно образовывающей российской преподавательской общественности?

Вот они:

- *Ф. Ницше — идейный предшественник германского фашизма;*
- *Ф. Ницше — женоненавистник: он сказал, что, идя к женщине, надо брать с собой плетку;*
- *Ф. Ницше — антихрист, который сам именно так назвал свою книжку; он утверждал, что «бог умер»;*
- *Ф. Ницше — проповедник «сверхчеловека», который будет обдавать сегодняшнего человека презрением и громко смеяться над ним — точно так же, как человек сегодня смеется над обезьяной. Так говорил Заратустра — пророк «сверхчеловека» у Ф. Ницше;*
- *Ф. Ницше — антигуманист; он проповедовал культ грубой силы и выдвинул требование: «Толкни падающего» — т. е. призывал обижать инвалидов, слабых и убогих;*
- *Ф. Ницше провозгласил дерзкую по форме и невразумительную по содержанию формулу: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее», которую в последнее время принято с многозначительным видом цитировать в «продвинутых» российских кругах.*

В принципе, заучив этот набор суждений (они же — ответы на контрольные «тесты» для проверки «знаний»), можно даже идти на конкурсы эрудитов и «телезнатоков» — не говоря уже об экзаменах по философии в «непрофильных» вузах.

Если же подходить к философии Ф. Ницше так, как она того заслуживает, то с предрассудками надо бороться. Как это делать? Дать набор правильных ответов на те же вопросы? Тогда это тоже будут пред-рассудки, только новые.

Пред-рассудки надо заменять *после-рассудками*. Т. е.: рассудок должен применять сам читатель, рассуждая и вынося свои собственные вердикты — не до, а после рассмотрения предоставленных материалов.

Мыслящий человек никогда и ничего не считает *наперед* известным. Если что-то известно наперед, то оно *разумеется само собой, а человеком не разумеется*. Человек к нему разума не прилагает, потому принимается оно *неосознанно* — квази-инстинктивно. А мыслить — это значит начинать с сомнения. Или, как говорил Аристотель, с удивления. Фазиль Искандер по тому же поводу тонко заметил, что не всякое сомнение есть мысль, но всякая мысль есть сомнение.

Так что начнем мы с того, что поставим под сомнение существующие предрассудки про Ницше — чтобы они не препятствовали изначально осмысленному видению предмета исследования и не исказили его. Они мешают, и мешают существенно. Вот, к примеру, знакомится читатель с биографией Ф. Ницше, а у него в голове из-за предрассудков уже сами собой всплывают заголовки: «Детство... женоненавистника», «Юность... антихриста». Это, конечно, влияет на впечатление.

Так что начинать надо если не с чистого листа — все, разумеется, стереть не получится, — а хотя бы с сомнения в предрассудках.

* * *

Был ли Ф. Ницше идейным предшественником германского национал-социализма?

Американский обвинитель на Нюрнбергском процессе 17 января 1946 года сказал о Ф. Ницше так: «Его видение масс, диктаторски управляемых правителями, предзнаменовало фашистский режим. Ницше верил в высшую расу и превосходство Германии, в которой он видел молодую душу и неистощимую мощь»¹.

Американский обвинитель был юристом, а юристы — особенно американские! — никогда не были сильны в философии. (Философия есть дело греческое, а право — дело римское; их породили совершенно разные, если не сказать — противоположные менталитеты. Юристы философию никогда не любили и, придя к власти, всячески стремились изжить ее).

Так о чем же сказал американский юрист?

Во-первых, о том, что *Ницше видел в Германии молодую душу и неистощимую мощь*. Но ведь и сам юрист наверняка видел молодую душу

и неистощимую мощь в своей Америке — и ничуть не осуждал себя за это. Подобные романтические слова — всего лишь поэзия. Только за нее к ответственности не привлекают.

Во-вторых, о том, что *Ницше верил в высшую расу*. Дело было на Нюрнбергском процессе. Так что, естественно, американский юрист подразумевал, что эта «высшая раса» — немцы. А вот это уже — неправда. Немцев Ф. Ницше «высшей расой» не считал — уже хотя бы по той причине, что сам себя к немцам не относил. Он относил себя... к полякам — как наилучшей нации на свете. Которой немцы всячески уступают.

В своей последней автобиографии² «Ессе homo» Ф. Ницше заявил:

«Я — польский дворянин *pur sang*, и к чистой крови моей не примешивается ни капли крови дурной, менее всего — немецкой. <...> Но и как поляк я — чудовищный атавизм. Надо, чтобы время потекло вспять — и тогда, вернувшись на несколько веков, можно было бы найти эту самую благородную национальность из всех, какие только существовали на Земле, во множественности и в чистоте инстинктов — такой, какой представляю собой ее я. По отношению ко всему, что сегодня называется знатью, я испытываю суверенное чувство благородной отстраненности, заставляющее меня держать дистанцию, — молодого немецкого кайзера я не удостоил бы чести быть моим кучером»³.

Кроме поляков, среди народов, вызывавших у Ф. Ницше особую симпатию, были *греки (древние), французы и русские*.

Симпатии к русским Ф. Ницше испытывал с детства. Сестра мыслителя, Элизабет Ферстер-Ницше, однажды в беседе с русскими посетителями ее музея-фонда Ницше вспомнила о том, что ее десятилетний брат во время осады Севастополя (1854–1855) раздобыл схему крепости и с друзьями построил ее во дворе. Там были не только все укрепления, но и прилегающее море, на котором маневрировали корабли союзников. В крепости после их обстрела взрывались пороховые погреба (!), на кораблях от ответного огня горели паруса. Известие о том, что противник взял Малахов курган, застало одиннадцатилетнего Ницше за завтраком. Он убежал к себе в спальню и разрыдался. Затем, взяв себя в руки, вернулся за стол и заявил, что крепость надо было оборонять по-другому.

Сестра Ф. Ницше рассказала еще, что ее брат любил читать Пушкина, Лермонтова, Достоевского (его «Записки из мертвого дома» были прочитаны

во французском переводе). По прочтении «Казачков» Л. Н. Толстого, Ф. Ницше отправился в Ницце на концерт гастролировавшего там казачьего хора. Его потрясло то, что эти пышущие здоровьем, мужественные люди в роскошных концертных костюмах (праздничных, ярких, а вовсе не черных погребальных) так любят петь песни о смерти героя, о всякого рода «черных воронах» и прочих предвестьях близкой гибели — так, что даже веселье и радость в этих народных песнях «тесно переплетены с грустью»⁴.

Это навело Ф. Ницше на весьма глубокие размышления. Русские показали ему полным жизни и мужества народом — точно так же, как древние греки. И они точно так же, как древние греки первоначального, героического периода, предпочитали из всех жанров искусства трагедию, центром которой была гибель сильного и мужественного героя, сразившегося с врагами. Почему самые сильные и могучие так любят истории про смерть и печаль, а хилые и немощные обожают браваурные марши?⁵ В этой мысли уже есть, в сущности, все, что составляет суть учения А. Адлера о «комплексе неполноценности».

Любимый Фридрихом Ницше граф Л. Н. Толстой был невероятным силачом. Он проделывал трюк, которого никто не мог повторить в армии, защищавшей Севастополь: ложился на спину, сгибал руки и просил солдата встать ему на ладони, после чего принимался выжимать его «от груди». И этот силач, повествовавший о мужественных казаках, тоже был полон печали в своем творчестве. Он обожал писать именно о смерти и гибели.

Впрочем, русские посетители музея Ницше тут же вспомнили, как его ревнивая сестра быстро перешла в своих воспоминаниях от его сравнений русских казаков с древними греками к куда более задевавшему ее вопросу: она полагала, что ее брат, читавший «Казачков» Л. Н. Толстого и наблюдавший казачий хор в Ницце, чересчур уж много рассуждал о казачке как идеальной женщине — сильной, самостоятельной, свободной, в случае необходимости готовой защищать себя и семью с оружием в руках.

Любить древних греков и их культуру Ф. Ницше научили прекрасные преподаватели Пфорты — элитарного мужского интерната, в котором он учился с 14 лет. Его наставники-педагоги были также выдающимися переводчиками и учеными, специалистами по классической филологии — т. е. по античным языкам и существовавшей на них культуре. Уже после первого года (!) обучения в Пфорте ее питомец должен был уметь по-гречески дискутировать с другим таким же питомцем, обсуждая одно из произведений древнегрече-

ских авторов (это составляло суть экзамена). Знаний, полученных в Пфорте, Ф. Ницше хватило, чтобы его, еще не закончившего курса студенческого обучения, избрали профессором (!) швейцарского университета.

Кроме русских и греков, Ф. Ницше — считавший себя поляком — очень любил французов. Ему даже трудно было определить, кто стоит выше — французы или греки. Несомненно было только одно — немцев они все явно превосходят:

«Читая Монтеня, Ларошфуко, Лабрюйера, Фонтенеля (в особенности — “Диалог мертвых”), Вовенарга и Шамфора, становишься ближе к античности, чем при чтении произвольно выбранных шести авторов, принадлежащих к какому-либо другому народу. Благодаря этой шестерке вновь возникает дух последних веков перед новой эпохой — они, вместе взятые, представляют собой важное звено в великой цепи Возрождения, которая продолжается и сегодня. Их книги поднимаются выше перемен национального вкуса и выше философской окраски, в которой, как обыкновенно считают сегодня, должна отливать любая книга, чтобы получить известность: они содержат больше действительных мыслей, чем все книги немецких философов, вместе взятые — мыслей того рода, которые вызывают мысли, и которые — я затрудняюсь довести эту дефиницию до конца <...> Похваляю их по-немецки — скажу, что если бы они писали по-гречески, их понимали бы и греки. Напротив, остается большим вопросом, сколько бы мог вообще понять даже Платон из произведений наших лучших немецких мыслителей, например, Гете, Шопенгауэра, уже не говоря об отвращении, которое вызвал бы у него их стиль письма — темный, полный передержек <...> В противоположность этому — какая ясность, какая изысканная определенность у этих французов! Это искусство нашло бы одобрение и у греков, которые обладали очень тонким слухом, а кое-чему они даже поразились бы и пришли в полный восторг — эта французская шутливость изложения, остроумие в формулировках; нечто в этом роде греки очень любили, хотя как раз были не особенно сильны в нем»⁶.

Фридрих Ницше долго мучился, пытаясь ответить на вопрос — почему он, столь ярко выраженный поляк, так любит французских острословов и мудрецов? Ответ все же был найден: «Недаром поляков зовут французами среди славян»⁷.

* * *

Впрочем, тут надо сделать важное уточнение — Ф. Ницше не любил народы в целом. Он любил выдающихся людей, которых породили эти народы. «Народ — это окольный путь природы к шести-семи великим людям. — Да, — и чтобы потом обойти их»⁸. Так что ни в коем случае нельзя считать, что какие-то идеи или какое-то величие определяется «чистотой крови», биологическим родством. Ф. Ницше по этой причине дает отповедь национализму и всякой расовой теории:

«Все господствующие понятия о степенях родства — это такая физиологическая чепуха, что дальше некуда. <...> Человек менее всего состоит в родстве со своими родителями: было бы крайним признаком заурядности быть сродни своим родителям. Происхождение высших натур следует искать бесконечно дальше в прошлом, для них приходилось очень долго собирать и накапливать. Великие индивидуумы старше всех: я не понимаю этого, и тем не менее Юлий Цезарь мог бы быть моим отцом — или Александр, это воплощение Диониса...»⁹.

Только духовное родство — вот что имело значение для Ф. Ницше. *Великие люди — это родня по всемирной высокой культуре*. Внесем полную ясность — великих людей в народе — «пять-шесть», не больше.

Так что Ф. Ницше просто рассмеялся бы злым своим смехом, если бы кто-то объявил *сверхчеловеками* целый народ или какую-то расу. Великих *просто* *человеков* — всего шесть на народ за всю его историю. А сверхчеловек возникнет только через многие века. Через десятки веков.

Великие *люди* — все-таки *люди*. Только в лучшие миги своей жизни, в звездные, так сказать, ее минуты они воплощают в себе сверхчеловека. Но уже в следующий миг, к нашему сожалению и досаде, они демонстрируют «человеческое, слишком человеческое». *Чересчур человеческое — по мерке сверхчеловеческой*. Они недостойны самих себя — какими они были в минуты величия.

Сверхчеловек не возникнет, если люди не будут готовить его появление, работая над собой — уже сейчас, здесь и теперь, мера себя меркой сверхчеловека, в звездные миги своей жизни «отдавая ему свои кости и плоть» — воплощая сверхчеловека в себе. (Ницшеанец В. В. Маяковский, звавший себя «крикогубым Заратустрой»), выражал в «Письме из Парижа товарищу Кострову

о сущности любви» эту мысль так: ревновать жену надо не к соседу, а к Копернику. Соперничать надо только с гениями! Писать книгу или диссертацию надо не так, чтобы это было не хуже других — а так, чтобы это было не стыдно дать почитать Ларошфуко или Пушкину).

Великие люди действуют вовсе не по произволу, не по свободному решению своему, не по разумному выбору — чаще всего, бессознательно, как силы природы. Но у них должно быть свое *светское духовенство*, которое думает и говорит о них и за них — не как о рабах, пусть даже и божьих, а как о Новых Людах, которые придут на смену нынешним на Новой Земле под Новыми Небесами — вроде той, которую увидел Иоанн Богослов¹⁰. Представителей такого *светского духовенства, предназначенных проповедовать о сверхчеловеке*, Ф. Ницше называл «вольными умами» или «людьми, вольными духом». Он относил себя к таким «вольным духом» — и даже продиктовал своему приятелю и секретарю Бреннеру заповеди для таких «вольных духов»:

- Ты не должен ни любить, ни ненавидеть народы.
- Ты не должен заниматься политикой.
- Ты не должен быть богатым, но не должен быть и нищим.
- Ты должен сторониться людей известных и влиятельных.
- Ты должен брать себе женщину не из собственного, а из другого народа.
- Ты должен отдавать своих детей на воспитание друзьям.
- Ты должен избегать всех церковных церемоний.
- Ты не должен раскаиваться в проступке, но из-за него должен сделать одним добрым делом больше.
- Ты должен предоставлять свободу действий миру — по отношению к себе, а себе — свободу действий по отношению к миру.
- Ты должен мыслить истину, но говорить ее только друзьям.
- Ты должен — чтобы быть способным говорить истины — предпочесть жизнь в изгнании¹¹.

Как видим, Ф. Ницше со своими взглядами — проповедай он их публично — непременно попал бы при нацистах в тюрьму. Потому что отвергал расовую чистоту браков. Принижал значимость немецкой нации. Восхвалял все те народы, с которыми Гитлер воевал. Призывал к эмиграции. В общем, по совокупности преступлений.

* * *

Был ли Ф Ницше женоненавистником? Советовал ли он, идя к женщине, брать с собой плетку?

Действительно, в книге «Так говорил Заратустра» есть такие слова: «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!». Но говорит эти слова отнюдь не Ф. Ницше и даже не пророк Заратустра. Говорит их старая женщина, которую Заратустра повстречал в сумерках. Она устроила Заратустре настоящий экзамен, требуя сказать, что тот думает о женщинах. И, оставшись недовольной его ответом, сама как раз и завершила разговор этой сентенцией:

«А теперь прими в благодарность маленькую истину! Ведь я достаточно стара для нее!

Спеленай ее и уйми, не давай раскрыть рта — иначе она будет орать во все горло, эта маленькая истина».

“Давай мне, женщина, твою маленькую истину!” — сказал я.

И так говорила старуха:

“Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!”¹².

Заметим особо, что сама эта женщина специально подчеркивает, что *достаточно стара*, чтобы давать такие советы. Т. е. она знает, что мужчина и молодая женщина так не думают. Это — мудрость именно женщины пожилой, которая делится ею с молодым мужчиной — ради блага его и его будущей жены. Потому что неподчинение жены мужу, по ее мнению, губительно для брака. А муж, естественно, должен слушать не жену, а старшую женщину, его воспитавшую.

То, что старшие женщины считают нормальной самую суровую дисциплину для младших женщин (зато всячески балуют младших мужчин) — известно всем. (Точно так же всем известно, что у старших мужчин принято попустительствовать младшим женщинам, но всячески «приструнивать» младших мужчин). Разделял ли Ф. Ницше мнение суровой старухи, выведенной им в «Заратустре»? Нет, не разделял. Суровые отношения между старшими и младшими женщинами ему не нравились. Об этом Ф. Ницше сказал в «Веселой науке» прямо:

«221. Бережное отношение. — Отцы и сыновья много больше щадят друг друга, чем матери и дочери»¹³.

Отношение к женщинам у Ф. Ницше было очень неоднозначным. Об этом можно было бы написать особую книгу. (Причем это была бы совершенно серьезная, научная книга — столь же научная, как книги о «вечно-женственном» в учении И. В. Гете, о значении любви Беатриче в «Божественной комедии» Данте — любви, бывшей зримым воплощением той великой любви, которая «движет солнце и светила»: не зря Беатриче была способна поднимать своей любовью Данте на небеса одной только своей улыбкой, т. е. — ничуть не напрягаясь и с нескрываемым удовольствием).

Ф. Ницше относится к женщинам философски — *метафизически, онтологически*, — проще говоря, считает женщин всего лишь концентрированным проявлением женского начала в Природе. Индивидуальными воплощениями космического женского начала. А потому он объявляет себя *специалистом по женскому* — и не только в женщинах, но и во всем космосе. Психологом Вечно-Женственного.

«Позвольте мне, к тому же, высказать смелое предположение, что уж женщин-то я *знаю*. Избрав стезю Диониса, я получил заодно от него и это знание. Кто знает? Вероятно, я первый психолог Вечно-Женственного. Они любят меня все — это старая история; за исключением *неудавшихся* женщин, “эмансипированных”, которые лишены способности деторождения. — К счастью, я по своей воле не позволяю им растерзать себя: совершенная женщина растерзывает, когда любит...”¹⁴.

Ницше иногда был романтиком по отношению к женщинам. Когда хотел и старался быть романтиком. Вот доказательство этого романтизма:

«63. *Женщина в музыке*. — Как так выходит, что теплые ветры, приносящие дождь, навевают и настроение музицировать, а также страсть выдумывать мелодии? Уж не те ли это самые ветры, которые наполняют церкви и наводят женщин на мысли о любви?»¹⁵.

Но потом Фридрих Ницше спохватывался — и говорил, что романтически относиться к женщинам можно только издали, не подходя к ним близко и не приглядываясь (он ничего не видел уже на расстоянии трех шагов). Если начнешь разглядывать женщин внимательно, наблюдать научно, вблизи и пристально, то окажется, что они — вовсе не волшебные существа, а люди. Слишком люди. Чересчур люди. Хотя и несколько другие, чем мужчины.

«60. *Женщины и их действие издали*¹⁶. — Не оглох ли я совершенно? Или, наоборот, весь превратился в один только слух? Вот стою я у кромки морского прибоя, и белые языки волн лижут мне ноги, словно пламя вселенского пожара: со всех сторон доносятся до меня завывания, грозный рык, пронзительные крики и визги. А в то же самое время во глубине глубин старина-потрясатель земли поет свою арию, которая слышится глухо и невнятно, будто мычание быка: вдобавок он отбивает ногою такт, сотрясающий землю настолько, что даже у этих суровых обветренных скал-чудовищ екает сердце. И вот тут-то, вдруг, словно бы возникнув из небытия, пред воротами этого адского лабиринта, совсем невдалеке появляется — огромный парусник, и скользит вдаль беззвучно, как привидение. О, эта призрачная красота! Как она зачаровывает меня! Как? Разве там, на корабле, не средоточие всего покоя и всего безмолвия мира? И разве само счастье мое не пребывает там, в этом царстве тишины — мое более счастливое Я, мое другое Я, уже прикившее к вечности? Не быть мертвым, но, все-таки, не быть уже и живым? Как преисполненное духа, тихое, созерцательное существо, скольльзящее и парящее меж мирами? Подобное кораблю, который со своими белыми парусами несется над мрачным морем, словно гигантский мотылек! Да! Проноситься *над* сущим! Именно так! Вот бы так! — Кажется, здешний шум превратил меня в мечтателя? Всякий великий шум побуждает нас видеть счастье свое в тишине и вдали. Вот если мужчина стоит посреди *своего* шума, посреди своего прибоя, где накатываются и откатываются его дела и проекты — и тут же видит, как мимо него скользят тихие чарующие существа, заставляющие страстно завидовать их счастью и отстраненности: *это — женщины*. Он уже начинает думать, что именно там, у женщин, место для его лучшего Я: в этих тихих бухтах и самый громкий прибой умолкает, становясь мертвым штилем, а жизнь превращается в мечту о жизни. Но! Но! Мой благородный мечтатель, и на самом прекрасном паруснике так много шума и суматохи, да, к сожалению, суматохи гораздо более мелочной и досадной! Чары и могущественнейшее воздействие женщин, если выразиться языком философов, состоят в *дальнодействии*, в *actio in distans*: но самое важное здесь, прежде всего и в первую очередь — держать *дистанцию!*»¹⁷.

Брать плетку и держать дистанцию — это, согласимся, совершенно разные советы. Плетка — это оружие ближнего боя. А следующий афоризм Ф. Ницше окончательно сбивает с толку и полностью запутывает вопрос:

«76. *Совершенная женщина.* Совершенная женщина есть более высокий тип человека, чем совершенный мужчина, но и встречается она значительно реже. — Исследование животных, которое ведут естественные науки, представляет средство сделать этот тезис весьма вероятным»¹⁸.

Уже не самолично Ф. Ницше, а вся биологическая наука доказывает, что совершенная женщина выше совершенного мужчины. И что же, этот несовершенный тип должен приходить к ней, совершенной, с плеткой?

* * *

Был ли Ф. Ницше «антихристом»? Утверждал ли он, что Бог умер?

Название одной из его книг до самого недавнего времени переводили на русский язык так: «Антихрист. Проклятие христианству». Что может сказать христианин, увидев одну только обложку такой книги — даже не раскрывая ее? Антихрист — это Сатана. Как, спрашивается, может христианин реагировать на книгу, которая называется — «Сатана. Проклятие христианству»? На первый взгляд ему может даже показаться, что Сатана — это автор книги... Неоднозначной реакции у христианина тут просто быть не может. И читать такую книгу ему вовсе не обязательно...

Но книга Ф. Ницше *вовсе не назвалась «Антихрист»*. Она называлась «Антихристианин». По-немецки это звучит так — «Der Antichrist. Fluch auf das Christentum»¹⁹. «Der Antichrist» — это слово употреблено с определенным артиклем. Определенный артикль «der» означает — *именно этот*. Так что с именами собственными определенный артикль — как и неопределенный, впрочем — не употребляется.

Нет смысла говорить — «этот Антихрист». Антихрист — только один. Он существует в единственном числе. И это — не Ницше. По-немецки «der Christ» — с артиклем — это «христианин», «крещеный». Вот какие переводы предлагают, например, немецко-русские словари: *Er sprach als guter [überzeugter] Christ. — Он говорил как добрый [убежденный] христианин. Man hat ihn zum Christen bekehrt. — Его обратили в христианскую веру.*

Соответственно, «der Antichrist» — с артиклем — это «антихристианин». Без артикля — Антихрист. Российские христиане, конечно, «христами» себя не называют — даже с маленькой буквы. Так что им трудно понять всю эту игру слов. Итак, книга называется — «Антихристианин. Проклятие христианству». Не в честь Антихриста она названа. И не ему посвящена.

Но все-таки — почему «проклятие христианству»? Любое проклятие предполагает страсть. Вызывало ли христианство страсть у Фридриха Ницше? Ответ на этот вопрос вовсе не прост.

С детства он был воспитан на христианстве. Он жил в доме рядом с церковью, потому что его отец был пастором. Мать тоже родилась в семье пастора. Пасторами были многие в роду Ницше. Среди них был даже один ученый теолог.

Когда умер отец Ф. Ницше, мальчику было пять лет. И мать сказала ему, что теперь он должен будет продолжить дело отца. Юный Фриц Ницше ревностно принялся за дело. Однокашники в гимназии Наумбурга звали его «маленьким пастором», сетуя на то, что в его присутствии нельзя позволить себе ничего неприличного. Даже пошутить двусмысленно нельзя.

Мальчик с детства был просто пропитан духом христианства. Все его мысли были заняты христианством — постоянно. Чтобы понять, насколько, вдумаемся в один показательный пример. Сестренку свою он с детства прозвал — «Лама». Секрет этого прозвища известен только некоторым биографам Ф. Ницше (так они полагают). Все дело тут в том, что родители назвали дочь Тереза Элизабет Александра (чем больше имен у человека, тем больше слетается ангелов-хранителей, носящих эти имена, когда кто-то его зовет). Но одно имя становится любимым. У сестры Фридриха Ницше таким именем стало имя Элизабет. Уменьшительное от Элизабет — Эли.

И вот мама то и дело звала сестру Фрица Ницше — «Эли! Эли!». А у брата в голове как бы само собой возникало продолжение — «Эли, эли, лама савахфани». Эти слова сказал умирающий Христос на кресте (см. Евангелие от Матфея (27; 46)). Священное писание Ф. Ницше знал наизусть с детства. Он мыслил Священным Писанием. Оно само собой приходило ему на ум. Даже во время детских игр.

Так почему же тогда — «Проклятие христианству»? И почему «Бог умер»? Говорят о смерти Бога в книгах Ф. Ницше два человека — пророк Заратустра и городской сумасшедший на площади, который ходит днем с зажженным фонарем — как Диоген, который искал таким образом человека и никак не мог найти его в толпе. Послушаем, что говорит этот городской сумасшедший:

«Безумец. — Разве вы не слышали о том безумце, который утром, когда было светлым-светло, зажег фонарь, прибежал на рыночную площадь и стал там кричать без умолку: “Я ищу бога! Я ищу бога!” — Поскольку

там собрались многие из тех, кто как раз в бога-то и не верил, он вызвал множество насмешек. Разве бог потерялся? — сказал один. Может, заблудился, словно ребенок? — сказал другой. Или он спрятался? Наверное, он нас боится? Может, понял, что дело — дрянь, был — да и сплыл на корабле?²⁰ — так они кричали и смеялись наперебой. Безумец вошел в самую середину толпы и стал пронзать всех горящим взглядом. “Куда делся бог? — воскликнул он. — Что ж, я как раз и хочу вам об этом сказать! *Мы убили его* — вы и я! Мы все — его убийцы! Но как мы сделали это? Как мы смогли выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть весь горизонт без остатка? Что мы натворили, нарушив связь этой земли с ее солнцем? Куда же она движется теперь? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Разве мы не находимся в непрерывном падении? Разве не падаем назад, в сторону, вперед, во все стороны? Существуют ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы без дороги, словно через бесконечное Ничто? Разве недохнуло на нас великой пустотой? Разве не стало холодней? Разве не надвигается ночь — все более и более беспросветная? Разве не приходится зажигать фонари по утрам? Разве не слышен уже шум могильщиков, которые хоронят бога? Разве не доносится трупный запах — и боги тоже подвержены тлению! Бог умер! Бог останется мертвым! И это мы убили его! Как мы утешим себя, убийцы из убийц? Самое святое и самое могущественное, что только было у мира до сих пор, истекло кровью под ударами наших ножей — кто смоет с нас эту кровь? Какая вода очистит нас? Какие покаянные траурные торжества, какие священные действия нам нужно придумать? Разве величие этого дела не чересчур велико для нас? Разве не придется нам теперь самим становиться богами, чтобы оказаться достойными его? Никогда еще не было деяния более великого — и все те, кто только ни родится после нас, будут благодаря ему принадлежать к истории более высокой, чем вся та история, какая только была доныне!” — Тут безумец умолк и снова воззрелся на своих слушателей: и те тоже молчали, отчужденно глядя на него. Наконец, он с такой силой бросил свой фонарь наземь, что тот разлетелся на куски и погас. “Я слишком рано явился, — сказал он, — я еще не ко времени. Это небывалое, чудовищное событие еще не дошло до вас — оно пока в пути. Известие это еще не дошло до ушей человеческих. Грому и молнии нужно время, свету звезд нужно время, делам нужно время, через которое они будут замечены и услышаны. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые дальние звезды — *и все же вы совершили его!*” — Еще рассказывают, что этот безумный человек

в те же дни вторгался в различные церкви и заводил там свой поминальный плач по вечному богу. Когда его выводили и требовали объяснений, он твердил в ответ одно: “Что же такое эти церкви, как не могилы и надгробья божии?”²¹.

Итак, безумец — безумец ли? — говорит о том, что бог мертв. Но бог не умер сам. Его убили люди, сами не сознавая того. Это осознание придет к ним много позже — точно так же, как с большим опозданием доходит до Земли свет погасших звезд.

Велик ли, ценен ли был бог, пока был жив? Ницше однозначно отвечает «Да!» — устами того же безумца, как две капли воды похожего на Диогена (того, впрочем, тоже прозвали *обезумевшим* Сократом). Бог — это «самое святое и самое могущественное, что только было у мира до сих пор». Так говорит безумец.

Как видим, на христианство прошлого проклятие Ф. Ницше отнюдь не распространяется. Он благоговеет перед христианством прошлых веков — совсем как в детстве — и предельно высоко ценит его. Оно сыграло важнейшую роль в истории человечества — роль, которую невозможно переоценить. Средневековое христианство, по мнению Ф. Ницше, когда-то позволило обуздать дикость варваров и построить могущественные государства, которые наладили человеческую жизнь людей. Оно вдохновляло на великие подвиги. Оно давало уверенность в жизни, давало ориентацию в мире, указывало путь к достойному, заслуживающему уважения существованию.

Но со временем христианство состарилось и умерло — по крайней мере, в Европе. «Бог умер» тогда, когда христианство перестало успешно выполнять свою важнейшую *жизнеобеспечивающую* функцию. Его убили те люди, которые лишили христианство высоты, свели его к рутинному исполнению обрядов без веры. Во времена крестовых походов христианство было делом рыцарским. Во времена жизни Ницше оно стало, по его мнению, делом буржуазным — торгашеским и расчетливым. На нем зарабатывают, в него вкладывают деньги, его превращают в ведомство и контору, в «технологию».

Ф. Ницше говорил устами своих литературных персонажей, что Бог умер. Это означало, что раньше Бог был жив — а сейчас мертв. Бог был жив, пока вдохновлял на великие подвиги. Он умер, когда перестал вдохновлять на них. Ф. Ницше, таким образом, судит христианство нынешнее, сопоставляя его с христианством прежних веков — и говорит о том, что эта великая и ценная

для человечества религия сегодня, к сожалению, убита людьми массового общества.

То же самое говорил и Л. Н. Толстой. Он хотел поправить христианство на свой собственный лад. Но он все же продолжал называть христианство христианством. Хотя считал Христа не богом, а человеком. Ф. Ницше вообще перестал говорить о Христе и христианстве. Он предложил вместо христианства «посюстороннюю» религию сверхчеловека — царство, о котором говорил Иоанн Богослов, должно быть построено на Земле — и самими людьми.

Но Русская православная церковь не увидела особой разницы между Ф. Ницше и Л. Н. Толстым, о чем и сказала устами Иоанна Кронштадского, впоследствии объявленного святым. Этот страстный проповедник обличал отлученного от церкви писателя Л. Н. Толстого — как «порождение ехидны»²² — такими выразительными словами: «Вместо того чтобы скорбеть и сокрушаться о грехах своих и людских, Толстой мечтает о себе как совершенном человеке или сверхчеловеке, как мечтал известный сумасшедший Ницше; между тем как что в людях высоко, то есть мерзость пред Богом»²³. Л. Н. Толстой и Ф. Ницше уверенно ставятся св. Иоанном Кронштадтским на одну доску, а потом указываются западные просветители, оказавшие на них пагубное влияние: «Это прямо относится к толстовским сочинениям, не было вреднее их: Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауэры, Вольтеры — ничто в сравнении с нашим безбожным россиянином Толстым»²⁴.

Так что Л. Н. Толстой — ничуть не менее антихристианин, чем Ф. Ницше. Хотя его произведения ныне штудируются в школах наряду с основами православной культуры...

* * *

О «сверхчеловеке» — которого лучше было бы именовать «после-человеком», что сразу сняло бы многие лишние вопросы — мы уже сказали.

Ф. Ницше вовсе не считал «сверхчеловеками» всех немцев сразу — и даже не считал ими всех лучших представителей арийской расы. Все современные люди настолько ничтожны в сравнении с Новыми Людьми — вернее, уже не с людьми, а с теми, кто придет на смену человечеству, — что незначительными различиями между ними можно пренебречь. «Сверхчеловек» так и остался у Ф. Ницше маячить далеко на горизонте. От него людей девятнадцатого века отделял ничуть не меньший временной интервал, чем от древних греков (правда, в первом случае этот интервал был отложен

в будущее, а во втором случае — в прошлое). Древние греки во всем их совершенстве были отделены от современников Ф. Ницше двадцатью пятью — двадцатью четырьмя веками. (Феогнид Мегарский, о котором в интернете Пфорта Ф. Ницше писал выпускную работу, жил во второй половине VI века до нашей эры). Ф. Ницше еще в молодости задумал «Несообразные времени рассматривания» — точно так же, как мы смотрим на древних греков из будущего, с расстояния в две с половиной тысячи лет, он захотел рассмотреть из будущего современную ему немецкую и мировую культуру. Это и был бы взгляд сверхчеловека (после-человека) на век девятнадцатый. *Из сорок четвертого века нашей эры!*

Только у нацистских пропагандистов сверхчеловек превратился в современника — в человека избранной нордической расы. А потом он превратился у демократических американцев — в «супермена».

* * *

Последнее, о чем стоит сказать, говоря о предрассудках, — это кажущееся загадочным суждение Ф. Ницше: то, что не убивает нас, делает нас сильнее. (Некоторые даже считают это жизненным девизом Ф. Ницше.)

Смысл этого высказывания темен, и оно может даже толковаться как оправдание садизма, равно как, впрочем, и мазохизма — пока мы не вспомним, что первую прививку — от оспы — сделал в 1796 году английский врач Эдвард Дженнер. Затем его дело продолжил великий Луи Пастер, который делал прививки против сибирской язвы, куриной холеры и даже против бешенства — заболевания со стопроцентным смертельным исходом.

Человеку прививали смертельно опасную болезнь в ослабленном виде. Она не убивала, но делала сильнее, позволяя выработать иммунитет — и победить болезнь, когда она явится, чтобы убивать. Так что речь у Ф. Ницше идет именно о прививке. На какую же прививку рассчитывал Ф. Ницше? Он рассчитывал на прививку от декаданса. На прививку от быстрой биологической деградации, ведущей к ранней смерти.

Декаданс убил отца Ф. Ницше. Сын его считал склонность к декадансу наследственной: «Мой отец умер тридцати шести лет: он был хрупким, милым и болезненным, как существо, которому не суждено задержаться в мире — он был скорее добрым воспоминанием о жизни, чем самой жизнью. В том же году, в каком наступил слом в его жизни, пришла в упадок и моя: на тридцать шестом году жизни я дошел до низшего предела своей витальности — я еще жил, но не видел на расстоянии трех шагов перед собой»²⁵.

Декаданс, унаследованный от отца — утонченность во всем, но отсутствие жизненной энергии, а отсюда и упадочничество — убил отца Ф. Ницше, но не убил его самого. Потому что Ф. Ницше специально прививал декаданс себе — в ослабленном виде. И учил свой организм бороться с ним.

Сделала ли эта прививка его сильнее? Да, сделала. Отец сошел с ума на девять лет раньше, чем Ф. Ницше. Эти годы добавила Ф. Ницше его философия — веселая, точнее — жизнерадостная наука.

Примечания

¹ Цит. по: *Соте М.* Ницше для начинающих. Мн.: ООО «Попурри», 1998. С. 189.

² Первую он написал в 14 лет.

³ *Nietzsche F.* Ecce homo // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden. Bd. 6. S. 268f.

Здесь и далее ссылки на работы Ф. Ницше делаются следующим образом. Если переводы на русский язык полностью устраивают автора, цитаты приводятся по изданию: *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. в 13 т. М.: Культурная революция, 2004–2011. Если автор находит нужным предложить собственный перевод цитаты, ссылка делается на немецкое издание, подготовленное Дж. Колли и М. Монтинари: *Nietzsche F.* Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden. Herausgegeben von Giorgio Colli und Mazzino Montinari. München, Deutscher Taschenbuch Verlag Walter de Gruyter GmbH & Co. 1967–1977 und 1988. Neuauflage, 1999. Если авторские переводы уже опубликованы, они цитируются по изданию: *Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева.* СПб.: Владимир Даль, 2014.

⁴ См.: *Перцев А. В.* Фридрих Ницше // Урал, № 4, 1991. С. 136–141. См. также: *Буссе Л., Геффдинг Г.* Ф. Ницше. Характеристика и биография / Мировоззрение великих философов. СПб., 1906. С. 92–112.

⁵ Американские друзья автора этих строк, услышав это на его лекциях, призадумались, а потом сказали, что больше всего жалобные песни о верной гибели любят петь хором пышущие здоровьем «афроамериканцы» на своих молитвенных собраниях.

⁶ *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева. С. 177–178.

⁷ *Ницше Ф.* Ecce homo // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. С. 226.

⁸ *Nietzsche F.* Jenseits von Gut und Boese // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden. Bd. 5. S. 95. Ср.: *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 5. С. 88.

⁹ *Nietzsche F.* Ecce homo // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden. Bd. 6. S. 268f. Ср.: *Ницше Ф.* Ecce homo // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. С. 196.

¹⁰ Откр. 21: 1–8.

¹¹ Цит. по: *Stenzel G. Leben und Werk (Einleitung)* // In: Nietzsche F. Werke in vier Bänden. Salzburg, Verlag «Das Bergland-Buch», 1983. Bd. 1. S. 78. Ср.: *Перцев А. Фридрих Ницше у себя дома (Опыт реконструкции жизненного мира)*. СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 206–207.

¹² *Ницше Ф. Так говорил Заратустра* // Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева. С. 63.

¹³ Там же.

¹⁴ *Nietzsche F. Ecce homo* // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden. Bd. 6. S. 305f.

¹⁵ *Ницше Ф. Веселая наука* // Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева. С. 207.

¹⁶ Ф. Ницше стремился здесь обыграть модное в его время понятие «дальнодействие» — *actio in distans*, которое пришло в философию из естественных наук — например, из астрономии и небесной механики. — *Прим. перев.*

¹⁷ *Ницше Ф. Веселая наука* // Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева. С. 206–207.

¹⁸ *Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое* // Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева. С. 87.

¹⁹ *Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritischer Studienausgabe in 15 Bänden. Herausgegeben von Giorgio Colli und Mazzino Montinari. Deutscher Taschenbuch Verlag. De Gruyter. Neuausgabe 1999. Bd. 6. S. 165.*

²⁰ В оригинале — непереводаемая игра слов: *Ist er zu Schiff gegangen* — он сел на корабль — вызывает ассоциацию с просторечным *die Sache ging schief aus* — дело не выгорело.

²¹ *Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft* Bd. 3. S. 480ff. Ср.: *Ницше Ф. Веселая наука* // Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева. С. 212–213.

²² Ответ протоиерея Иоанна Сергеева (Кронштадтского) на обращение графа Льва Толстого к духовенству // За что Лев Толстой был отлучен от Церкви. М.: ДАРЪ, 2006. С. 44.

²³ Там же. С. 50.

²⁴ Там же. С. 59.

²⁵ *Nietzsche F. Ecce homo* // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden. Bd. 6. S. 264. Ср.: *Ницше Ф. Ecce homo* // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. С. 192.